

ЦАРА СКАЗОВА

ИВАН ЦА МАРУСЯ

СКАЗКА

Дара Сказова Иван да Маруся. Сказка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70407166

SelfPub; 2024

Аннотация

Ивану, сыну царя Кашей и царицы Марьи-лягушки пришла пора жениться. Невеста, которую родители выбрали своему отпрыску, ему совершенно не приглянулась. И выпросил Иван-царевич у отца с матерью отсрочку, чтобы отыскать себе жену по сердцу. Дал срок царь в месяц. Успеет ли Иван-царевич найти свою суженную? Куда пойдет, кого найдет, с кем лад обретет?

Дара Сказова

Иван да Маруся. Сказка

Старший сын царя Кашей Первого и Единственного вырос юношей ладным. Мало кто помнил внешность царя по молодости – сейчас-то он молодильными яблочками матери тещи своей не злоупотреблял и выглядел соответственно возрасту, достаточно почтенному для сказочно-фольклорного персонажа. Но сын его старший златые кудри и голубые глаза явно от родителя унаследовал, поскольку маменька его глаз имела зеленый, а косу темную. Ростом тоже судьба Ивана-царевича не обидела, а уж силу богатырскую он лично выпестовал, ежедневно упражняясь с дружинниками и стрельцами, не получая поблажек ввиду звания. Так что не один заслуженный девичий вздох предназначался наследнику Тридесятых Земель. Однако тот помыслы свои в сторону девиц не обращал, сосредоточившись на развитии личностных качеств. Впрочем, это было и хорошо, поскольку характер царевич унаследовал от обоих родителей, а такой коктейль не всякой девице под силу. Ведь тут смешались упрямство, своеволие и непреклонность царицы Марьи с хитростью, злокозненностью и властностью царя Кашея. Для будущего правителя Тридесятых Земель это были полезные качества, однако в быту их обладатель вряд ли был приятен. Между отцом и сыном часто возникали разногласия, и по

мере возмужания младшего, он все чаще противостоял старшему.

И вот в момент начала нашего повествования Кащей привычно извергал гневные речи, обрушивая на голову сына отцовские упреки.

– Вырос?! Поумнел?! – Кащей добавил язвительности, чтобы яснее донести идею презрительного недовольства. – Да у тебя еще молоко на губах не обсохло! Не посмотрю, что двадцать лет тебе, живо розги вспомнишь.

– Смею заметить, ваше величество, двадцать один, – на столь же повышенных тонах парировал Иван-царевич. – И я уже вполне совершеннолетний. И даже на троне вашем сидел, пока вы отсутствовал изволили.

– И что насидел?! Кто Хана Восточного к самым воротам столицы допустил!

– Территорию в границах удержал? Бунта не было? Вас, папенька, не подсидел? Стало быть, справился! – не уступал Иван-царевич.

– А Варьку за простого стрельца кто спровадил? – припомнил Кащей старшую дочь и роман ее с собственным телохранителем, возникший вследствие той истории.

– Это побочный эффект от разделенных опасностей в процессе поисков вас с маменькой, – отмахнулся Иван.

(Заинтересовавшихся смыслом данных упреков приглашаем изучить летопись «Бездорожная сказка», архив библиотеки, полка десятая.)

– И она теперь не желает ни за кого другого замуж идти! – фыркнул Кашей.

– Дело ее! – настаивал царевич.

– А вот и нет, дорогой мой! – Кашей жажнул кулаком по столу, отчего тот жалобно крикнул. – Вы – дети царя. Вы должны поступать согласно нуждам государства. И – в частности – жениться на том, на ком родители пожелают. Ишь! Мнения у них свои есть!

– Да, так вот, – припомнил Иван-царевич причину начала беседы на повышенных тонах. – Варька желает за стрельца пойти. А я не желаю на дочке правителя Сосновых земель жениться!

– А мне плевать, желаешь ты или нет! – заорал Кашей. – Есть государственные интересы! Мне те земли, что Шишк за дочкой своей дает, очень пригодятся! А потом и тебе!

Иван-царевич упрямо выпятил нижнюю губу.

– Вы, папенька, на маменьке по большому чувству женились.

– Да какое там! – не сдерживал сарказма Кашей, поставившись не слишком заметно покоситься на супругу, пока что молча сидевшую в уголке и делавшей вид, что всецело погружена у чтение художественной летописи. – Мне земли ее полцарства нужны были. Помолвку-то я еще с младенцем организовал! Освежи в памяти историю рода!

Царица Марья, которую жених в свое время для упрочнения помолвочных клятв младенцем обратил в лягушку, под-

няла бровки, но от чтения не оторвалась.

(История эта подробно изложена в летописи под архивным названием «За тридевять земель», желающие могут ознакомиться за отдельную плату в царской библиотеке).

– Но вы видели эту Шишаниду? – возмутился царевич.

Кащей отмахнулся:

– А ты считаешь, я знал, как мать твоя выглядеть будет, когда женился на лягушке?

– У вас шансы были повыше жену-красавицу получить после обращения той в девицу. А я эту Шишаниду за версту обходить хочу – такая ошеломительная красота у нее! – Иван подбавил язвительности в тон и гримасу на лицо, чтобы донести до родителя свои впечатления от внешности дочери правителя Сосновых Земель. – Не женюсь на ней! Точка!

И для убедительности царевич с чувством разбил глиняный кувшин об пол. Папенька его в ответ метнул в стену бокал из тончайшего стекла. Осколки украсили ковер под ней ярким асимметричным узором и весело заблестели в лучах солнца.

– А ну хватит посуду портить! – прикрикнула царица Марья, прекратив притворяться читающей. – Я тебе говорила, не согласится он, – добавила она в сторону супруга.

– Молод еще – с отцом не соглашаться! – огрызнулся Кащей.

– Вы, папенька, воспитывали в детях своих разумность и самостоятельность, – Иван откинул белокурую челку, упав-

шую ему на глаза.

– Это верно, – поддакнула царица. – Однако, сынок, не стоит так с отцом разговаривать. Это нехорошо.

– Да, маменька, простите, папенька, – проговорил Иван-царевич с некоторым клокотанием в интонациях.

– Что-то незаметно раскаяния, – пробурчал Кашей.

– Попробую еще раз, – согласился сын и глубоко вздохнул в попытках говорить голосом послушного отпрыска. – Простите, папенька, что так эмоционально не соглашаюсь с вашим решением женить меня на кикиморе.

– Цыц!

– И довожу до вашего сведения спокойным и ровным тоном наследника царского рода, что жениться на указанной девице я не буду.

И царевич щелкнул каблуками, склонив чрезмерно почтительно голову перед родителем. Кашей побагровел. Марья неслышно подошла со спины к супругу и положила ладонь ему на локоть, сдерживая взрывную реакцию.

– Но, сынок, жениться действительно надо, – умиротворяюще проговорила она. – Дело это не личное, дело государственное. И нужно подойти к нему с большой ответственностью. Тебе, как ты сам заметил, уже двадцать один год, мы с отцом твоим не вечны, тебе весьма скоро предстоит править Тридесятыми Землями, и в этом очень важно иметь надежный тыл.

– Ну да, с кикиморой, – буркнул Иван-царевич. – Ответ-

ственно заявляю, что наследников у меня от такой супруги не будет.

– С лица воду не пить, – фыркнул Кашей.

– А может, ты уже глаз на какую дочку боярскую положил? – царица Марья снова похлопала мужа по локоточку, ибо у него брови уже в единую линию на лице сошлись.

– Еще не хватало! – все же высказался царь, однако более ничего не добавил. И родители внимательно посмотрели на сына.

– Ни на кого я глаз не положил, – пожал плечами тот. – Мне конкретно эта Шишанида поперек горла стоит.

Его вновь передернуло от воспоминаний.

Царица подошла к буфету и налила в три кубка янтарной жидкости, хранившейся в кабинете царя на случай взвинченных нервов. Молча подала мужчинам бокалы, а потом и сама пригубила. В тишине прокуковала кукушка в ходиках. И все трое дружно посмотрели на часы.

– Значит так, – постановил царь Кашей, ставя опустевший кубок на стол. – К лету должен жениться. Мы тебе Шишаниду подобрали, взвесив все достоинства и недостатки данного союза. Найдешь себе невесту с тем же списком позитивных качеств – примем и ее. Срок тебе – три месяца. Список выдам. Изволь изучить.

– А свои пункты могу добавить? – живо спросил царевич.

– Сам добавлю, – фыркнул Кашей.

Супруга подала ему летопись, которую столь внимательно

недавно читала. Царь обмакнул перо в чернила и вывел внизу свитка, громко диктуя себе по слогам:

– «Кра-са-ви-ца»... Конечно, важное качество для жены, – пробормотал он себе под нос. – Забирай, изучай и катись на все четыре стороны, сынок. Можешь стрелу в болото пустить, можешь сонную красавицу разбудить – но в день летнего солнцестояния чтоб с невестой передо мной стоял! Или женишься на Шишаниде! Я все сказал!

Кащей с треском свернул свиток в рулон и вручил сыну. Иван-царевич с почтительным поклоном принял список.

– Разрешите удалиться, папенька? – снова щелкнул он каблуками. – Не терпится поиски начать.

– Шагай-шагай, – пробурчал Кащей. Марья опять успокаивающе похлопала его по плечу. – И хватит меня успокаивать! Все равно ведь по-твоему сделал, жена!

Царица выразительно повела сыну бровями и подмигнула ему. Иван-царевич чуть заметно улыбнулся матери. Кащей сделал вид, что ничего не заметил. А вечером того же дня Марья привела в действие давно вынашиваемый план...

После столь эмоциональной сцены в родительском кабинете Иван-царевич устремился в свои покои для успокоения – как старшему сыну царя, ему было выделено большое помещение, хотя обставил его юноша сообразно со своими минималистическими вкусами: печь, украшенная заморскими изразцами, деревянный стул без изысков да сундук, обитый железом. На печи Иван спал, за столом писал, в сундуке хра-

нил вещи.

Вернувшись с аудиенции, царевич первым делом развернул полученный от родительницы свиток. Он действительно был исписан знакомым каллиграфическим почерком царицы Марьи и представлял собой длинный список с комментариями царя Кашея. Иван-царевич развернул рулон, поставил на края подсвечник и чернильницу, чтобы не сворачивались края, и приступил к чтению, комментируя вполголоса в пустоту покоев:

– *«Богатая»*. Куда ж без этого! *«Приданое землями, лучшие западными, там оборона послабже»*. Явно, папенька добавил... *«Скромная, хозяйственная, без родни»*. Маменькина рука!.. Ага... Угу... *«Глупая»* ... Почему?... Ну и *«Красавица»*. Да уж, шикарный список!

После всех пунктов списка были написаны имена предполагаемых невест. И рядом с каждым именем стояли галочки – где-то больше, где-то меньше их было. И самое большое количество баллов набрала не к ночи будь помянута Шишанида. Иван-царевич поморщился. Пусть он и выторговал себе отсрочку, но это лишь временно. К лету папенька настоит на своем. И нужно предоставить ему достойную альтернативу Шишаниде Шишковне, иначе и впрямь придется жениться на той...

Иван-царевич задумчиво свернул свиток. Неужели не найдется на всем белом свете девицы, рядом с чьим именем встанет в ряд большее, чем у Шишаниды, количество гало-

чек? Что ж, у него было три месяца, чтобы найти такую.

На следующее утро в другом семействе царило оживление. Вдовствующая боярыня Афанасьева была разбужена в неурочный час срочной депешей из царского терема, содержание которой мало того, что прогнало сон с ее чела, но и заставило с оптимистичными криками ворваться в светлицу своих дочерей. Громкими фразами она приступила к выражению своего неумного восторга и упоения, мешая юным девицам досматривать сладкий утренний сон.

– Марфушенька! Матрёшенька! Радость-то какая! Девоньки! Просыпайтесь! Дел по горло!

Из-под одного цветастого одеяла высунулась босая нога и недовольно пошевелила пальчиками. Не менее пестрое одеяло было натянуто на голову второй барышни, издающую недовольные звуки.

– Вы послушайте, послушайте! – не унималась боярыня Афанасьева. – Проснитесь, говорю!

И она бесцеремонно сдернула с дочерей одеяла.

– Ну мама! – недовольно пошарила вокруг себя Марфушенька, не открывая глаз.

– Ну мама! – в унисон сестре проямлила Матрёшенька, тоже вслепую пытаясь укутать ноги подолом ночной рубахи.

Услышав реакции дочерей и сочтя их достаточно вразумительными, боярыня Афанасьева перешла к источнику своей бурной радости.

– Сегодня получено письмо! – известила она.

– Угу, – ответила Марфушенька, зевнув.

– Ага, – аналогично отреагировала Матрёшенька.

– Из царского терема, – дрожащим от счастья голосом добавила их маменька.

– Ого, – сестрицы ответили хором, но без энтузиазма и по-прежнему не открывая глаз.

– Просыпайтесь же! Девочки! Это же радость! – боярыня Афанасьева потормошила каждую дочку.

– Надо думать, – пробурчала Марфушенька.

– Из самого царя, – вяло добавила Матрёшенька.

И тут обе в испуге подскочили на своих перинах: выведенная из себя мать в гневе хлопнула крышкой сундука, что прозвучало не хуже пушечного выстрела. Одинаково хлопая глазами, сестрицы уставились на источник шума, а потом перевели полупроснувшиеся взоры на боярыню.

– Ну наконец, – удовлетворенно сказала она. – Слушайте!

Девицы переглянулись, но потом послушно склонили головы к правому плечу, демонстрируя внимание.

Боярыня Афанасьева развернула восторженно сминаемый свиток, разгладила его и торжественно прочитала:

– *«Боярыня Афанасьева, Глафира Феодосьевна, вдова почитаемого нами боярина Афанасьева, Димитрия Кузьмича, столь преждевременно покинувшего Думу боярскую и унеся с собой всю мудрость и здравомыслие главы парламента, приглашается с дочерьми его на пир 8 лиственя 7024 года.*

Целью пира является смотр девиц государства для избрания достойной невесты сыну старшему царя нашего всемогущего Кащея Никандоровича Первого и Единственного Ивану Кащеевичу. Форма одежды – парадная. Презентация невесты – пять минут. Дары оригинальные – приветствуются. Писано в первый день весны сего года писарем Савелием».

Последнее предложение боярыня прочитала уже дрожащим голосом, смахивая слезу с левого глаза. Дочки ее переглянулись.

– Смотрины? – неуверенно отреагировала Марфушенька.

– Царевич? – добавила Матрёшенька.

– Да! Да! Да! – вскричала их мать. – Какая перспектива!

Какой шанс! Девочки! Одна из вас может стать царицей!

– Надо платье! – вскричала Марфушенька.

– И презентацию! – добавила Матрёшенька. – Чур, я петъ буду!

– А я танцевать!

– Чур, я в синем платье!

– А я в зеленом!

– Чур, я жемчужном кокошнике!

– А я в изумрудной тиаре!

Сестрицы ринулись к зеркалам, стоявшим по противоположным углам светлицы.

– Надо маски делать!

– И обертывания!

– И косметику новую купить!

– И духи!

Боярыня Афанасьева с понимающей улыбкой выслушала щебет дочерей. А потом веско добавила:

– Надо приданое проверить. Наверняка, царь будет рассчитывать на хорошее приданое. Но самое главное... дар!

Марфушенька и Матрёшенька одинаково круглыми глазами уставились на мать через отражение в зеркалах. Та подняла бровь.

– Вы, девочки, конечно, красивые. И это я не как мать вам говорю, а вполне объективно оцениваю. Но миловидной мордашки царю Кашею будет мало. Нужно привлечь приданым. И запомниться подарком.

Миловидные мордашки повернулись к матери. Боярыня Афанасьева понизила голос.

– Мы предложим царю земли отца вашего, те, что к западу от гор лежат. Там леса богатые. Уверена, Кашею это понравится.

– Но... – неуверенно сказала Марфушенька.

– Это ведь... – в сомнениях сказала Матрешенька.

Боярыня медленно кивнула.

– Я помню, – проговорила она. – Леса эти отец ваш, а муж мой покойный, своей дочке от первой жены определил. Но...

– Она же не знает? – прошептала Марфушенька.

Боярыня медленно прикрыла глаза и покачала головой.

– А ведь в приглашении и ее зовут, – задумчиво сказала Матрёшенька.

– Как это? – удивилась боярыня.

Развернув свиток, она перечитала текст и недовольно вытянула губы. Оглядела обеих дочерей.

– Да, тут приглашение для дочерей боярина...

– А давайте ушлим ее куда-нибудь? – предложила Марфушенька.

– Куда? – пожала плечами Матрёшенька.

– А вот пусть она и ищет дар необычный! – придумала Мафушенька. – Чтобы еще и подарком поразить царя нашего и царевича. Только вот что?..

Мать и дочери призадумались.

– Пусть что-нибудь нетипичное принесет! – осенила Матрёшеньку. – Ну вот как зимой подснежники.

– Сейчас весна, – фыркнула Марфушенька. – Этих подснежников как мух в навозе!

– Я сказала «как», – обиделась Матрёшенька. – Надо придумать, чтобы и достать было трудно, и, если принесет, чтобы точно царя поразило. А если не вернется...

Она умолкла, и на всех трех лицах появилось одинаковое понимающее выражение.

– Пожалуй, я знаю, за чем послать нашу занозу, – протянула боярыня.

Не добавив более ни слова, она развернулась и покинула светлицу дочерей, оставив тех в недоумении смотреть на закрывшуюся дверь.

– Как думаешь, что придумала маменька? За чем пошлет

нашу сестрицу? – задумчиво поинтересовалась Матрёшенька.

– Пойди туда, не знаю куда... – медленно ответила Марфушенька.

– Принеси то, не знаю, что... – добавила Матрёшенька.

В отличие от сводных сестриц утро у Маруси было в самом разгаре. Залеживаться в постели ей не давали коты, кормить которых требовалось спозаранку. А уж поднявшись, глупо было устраиваться обратно. И до первых петухов Маруся обычно успевала помыть полы в кухонных помещениях, подмести двор, полить цветы, насыпать корм курам. Вот и в тот день девушка уже управилась с утренними руинными делами и занялась приготовлением легкого, но сытного завтрака для своей мачехи и ее дочек. Творожная запеканка только начала подрумяниваться, когда раздался звон колокольчика из покоев боярыни Афанасьевой. Немного озадаченная неурочным вызовом, Маруся поспешила на зов. Еще более ее удивил вид мачехи: та была уже полностью одета, причесана и наругана. Обычно все утренние процедуры боярыня Афанасьева начинала значительно позже.

– Значит, так, Мария, – спокойно произнесла мачеха, глядя на падчерицу суровым взглядом.

– Доброе утро, маменька, – Маруся поспешно поклонилась в пояс, подметая пол длинной косой золотисто-пшеничного оттенка.

– Собирайся, – не обратила внимания на приветствие боярыня.

– Куда? – опешила Маруся.

– Поедешь в Дальние Дали, дело там есть, – небрежно бросила мачеха.

– В Дальние Дали? – изумилась девушка.

– Сарафан надень попроще, лапти возьми покрепче, дорога неблизкая, – вдовствующая боярыня Афанасьева смешила падчерицу взглядом с головы до пят.

– Но зачем? – продолжила недоумевать Маруся.

– Принесешь оттуда цветок необыкновенный. В саду хочу посадить, – снизошла до объяснений боярыня.

– Цветок?

Заметив сверкнувшую в глазах мачехи молнию недовольства, Маруся осеклась и послушно склонила голову.

– Цветок, цветок. Купцы давеча донесли, что в Дальних Далях на озере Синем распустился дивной красоты цветок, которого нет более нигде в целом свете. А я хочу, чтобы в моем саду рос этот цветок. И ты мне его принесешь. Знаю, ты хочешь спросить, почему именно ты должна идти, – нетерпеливо постучала маникюром по столешнице трюмо мачеха. – Купцы говорят, что только юная девица может сей цветок сорвать. У Марфуши здоровье слабое, у Матрёши экзамен по балалайке на носу – остаешься ты. Так что изволь отправляться.

Маруся по-прежнему выглядела озадаченной.

– Но как добраться мне в эти Дальние Дали?

– А вот тебе карта, – боярыня Афанасьева сунула падчерице в руки свернутый лист.

– Но что я буду есть? И где ночевать? И страшно одной-то!

– Говорю, оденься поплоче, лицо в золе испачкай – никто на тебя и не позарится. А на расходы тебе – вот, – и женщина протянула Марусе неплотно набитый кошель. – Завтрак приготовь всем и ступай. До ночи успеешь из столицы выйти и до Ближних Далей добраться. Дождей не обещают, так что идти быстро будешь. Можешь с собой пирожков взять в дорогу.

Маруся не нашлась, что сказать. Да и боязно было возражать мачехе. Уж не раз она падчерицу воспитывала, и та хорошо знала, насколько тяжела рука у боярыни. Но посылать одну-одинешеньку в Дальние Дали... Впрочем, хорошо, что не в зимний лес к волкам голодным...

Девушка развернулась и покинула покои мачехи, забыв отвесить ей положенный поклон, и, озадаченная, спустилась в кухонные помещения в полуподвале, где уже чуть пригорела с правого бока творожная запеканка.

– В Дальние Дали? – спросила громко Маруся у чугунного котелка. – За цветком неведомым? – поинтересовалась она у начищенного самовара. – Одна? Пешком? – потрясла она ножом.

Расставив перед собой два подноса, девушка привычно сервировала их завтраками для мачехи и сводных сестриц,

разложив запеканку, полив порции сметаной для Марфушеньки, вареньем для Матрёшеньки и сгущенным молоком для мачехи. Заварила чай, разлила в три чашечки, добавила каждой по три кусочка сахара, положила ложки, прикрыла салфетками и вручила поднос боярыни Афанасьевой ее камеристке, а поднос сестриц – их прислужнице. Сама же собрала со сковороды рассыпавшиеся остатки запеканки и позавтракала ими, запив остывшим чаем.

И развернула карту.

Иван-царевич покинул отчий дом ранним утром следующего дня. Точнее, собирался покинуть. Но пока проснувшись, пока позавтракал, пока с любимым конем попрощался – солнце уже довольно высоко поднялось на небосводе. Заботливая нянюшка набила походную котомку воспитанника пирожками с яйцом и луком, налила бутыл свежого кваса и завернула в чистое полотенце свежеиспечённый хлеб. Еще добавила баночку варенья, кусок сливочного масла, ломоть ветчины и связку баранок.

– Ох, Ильинична! – посетовал Иван-царевич при виде узелка размером с добрый сундук. – Я ж пешком, не донесу!

– Ничего, ничего! – не пожелала слушать возражений нянюшка. – Едешь на день – хлеба бери на неделю. Своя ноша не тянет. На сытый желудок и дорога короче. Носки надел?

– Надел.

– Меч наточил?

– Наточил.

– Кошель взял?

– Взял.

– А лук взял? Где колчан со стрелами?

– Так я с мечом! И вот нож еще за поясом.

– Шапку не забудь.

– Ну Ильинична! Какая шапка? Весна на дворе.

– Цыц! Сейчас самое опасное время. Солнце, может, и горячее, но ветра еще холодный. Р-раз – и носом начнешь хлюпать. А мне лечить тебя потом! Сказано: шапку надень!

– Ильинична! Я не маленький. Я невесту иду искать! – Иван-царевич отобрал у нянюшки свою шапку с меховыми отворотами.

– Иди-иди, – проворчала нянюшка. – Невесту он идет искать! И чего его родительский выбор не устраивает?! Всем ведь хороша дочка Шишка. И уходить никуда не надо... Ну, не надо морщиться. Иди-иди, погуляй перед свадьбой.

Царевич взвалил на спину котомку с припасами, поправил меч на поясе, проверил кинжал за пазухой, нахлобучил шапку, подтянул отвороты сапог, разгладил плащ на плечах и улыбнулся Ильиничне.

– Ну, я пошел! – возвестил он, получив от нянюшки троекратный поцелуй в щеки.

Марусю же никто не проводил. Она самостоятельно сложила в маленький узелок три пирожка, кусочек хлеба и крынку молока, переделась в более ношенный сарафан, деко-

ративно испачкала лоб и щеку золой и выбрала самые крепкие лапти из имевшихся. Уходя со двора отчего дома, девушка все же оглянулась, но никто не махал ей их окошка: сегодня утром ничто не мешало мачехе и сводным сестрицам сладко спать до обеда. Со вздохом Маруся сверилась с картой, определилась с направлением движения – строго на юг – и зашагала к городским воротам.

Погода была по-весеннему непонятной: солнце всюду пригревало, заставляя скидывать шапку и расстегивать кафтан, синицы звонко тренькали свои песни, воробьи с наслаждением обсуждали, на каком кусте ещё остались подбродившие за зиму ягоды рябины, но в тенистых переулках ещё лежали остатки снежных запасов, ожидая ночных заморозков, а потому не спешивших превращаться в веселые ручейки. Маруся шагала по деревянным настилам, заботливо выложенным правительством в дар жителям столицы – без них можно было бы по щиколотку провалиться в весеннюю жижу.

Девушка пересекла главную площадь, привычно полюбовавшись яркими синими куполами царского терема и его белоснежными стенами, как раз только что помытыми по приказу царицы Марьи после зимних туманов и метелей. Затем миновала торговые ряды, пока еще пустые в столь ранний час, по главной улице спустилась к не главным воротам столицы (выход через Главные Врата добавил бы лишний час пути, а Маруся уже решила беречь силы) и оказалась на бе-

регу реки. Переправляться через нее необходимости не было, так что девушка лишь сверилась с солнцем, определившись со сторонами света, прошла чуть по берегу, бросив в камыши горсть хлебных крошек, на которые тут же с криканьем набросилась стая прибрежных уток, и спортивным шагом взяла направление на юг.

Из карты Маруся помнила, что на пути к Ближним Далям лежит обширный лес, и хотела успеть пройти через него за светло. Не то чтобы она никогда не выходила в одиночестве за пределы города, но все же до сих пор не доводилось Марусе отправляться столь далеко и надолго. С пером в руке и отрезком узелкового измерителя она подсчитала: до Дальних Делей добраться можно за семь дней. При условии равномерного и безостановочного движения. А это невозможно ввиду необходимости отдыха и питания. Так что смело можно и на пару недель рассчитывать. И это лишь путь в одну сторону.

Девушка вздохнула. Однако не в ее привычках было предаваться невеселым мыслям. Дорога ровная, крепкая, лапти тоже удобные, солнышко светит, птички поют – вот совсем нет повода для меланхолии. Опять же: можно отдохнуть от работы по дому!

Таким бодрым шагом путешественница миновала пристойные деревушки, перешла по деревянному мостику маленькую речку, питающую русло главной реки, пересекла березовую рощицу, вступила в довольно густой лес и слегка

замедлила шаг ввиду ухудшившегося дорожного покрытия. Теперь это была просто колея, наезженная телегами, а после зимы еще не слишком высохшая. Вот Маруся и следила внимательно за дорогой, стараясь не попасть в лужу, поскользнувшись на глинистом покрытии. А вот по сторонам не очень смотрела, что оказалось ошибкой: опасность девушка заметила, только оказавшись перед ней лицом. Да и обратила внимание на опасность лишь потому, что та коротко и грозно рыкнула, заставив путешественницу замереть в месте. Чуть правее от лесной тропы в густом валежнике стоял на задних лапах огромный медведь. Он скалил зубы и рычал, глядя прямо на Марусю.

– Мамочки! – выдохнула девушка.

– Rrr! – сказал медведь.

Бежать? Но каковы шансы спастись? Кричать? Но каков в том смысл? Упасть в обморок? Но как это поможет? Оставалось лезть на дерево.

– Но ведь медведи тоже умеют лазать по веткам! – громко сказала Маруся дрожащим голосом.

– Что стоишь? – услышала она. – Беги, дура!

Но оцепенение не отпускало, добавив еще и недоумение: зверь говорил с ней?! Медведь снова коротко рыкнул и опустился на все четыре лапы. Маруся сдавленно пискнула.

– Бежим! – снова услышала она.

И только тут поняла, что это вовсе не лесной зверь к ней обращался, а такой же путник, как и она, решивший пере-

сечь лес. Медведь пробрался сквозь заросли густого валежника и громко заревел.

– Он, наверное, только проснулся, – дрожащим голосом произнесла Маруся. – Голодный, поди, после спячки.

– И ты хочешь стать его весенним завтраком? – рывкнул незнакомец. – Шевелись!

Он схватил девушку за руку и поволок за собой в чащу. От неожиданности Маруся споткнулась, запутавшись в собственных ногах и юбке.

– Давай, давай, ходу! – Иван-царевич (все же уже поняли, что это был именно он?) тащил Марусю за собой через заросли кустов, ветки которых пару раз хлестнули девицу по лицу, чем привели ее в себя.

Сжав зубы, она устремилась вслед за своим неожиданным спутником, а медвежий рев за спиной лишь прибавлял убегающим панических сил.

– Не тормози! – приказал отрывистым голосом Иван, с ходу перепрыгнув через овражек.

– Не отставай! – велел он, перевалившись на животе через упавшее дерево.

Маруся только пыхтела, но ход не сбавляла, успевая еще уворачиваться от хлестких веток, которые ее нежданный спаситель не придерживал за собой.

– Куда... мы... бежим?... – выдохнула девушка после очередной пробежки по ровной полянке, позволившей им ускориться. Впрочем, медведь тоже прибавил темп. Да и лап у

него было четыре...

Юноша не ответил. Маруся сдернула со спины свою котомку, на бегу пошарила в ней, нащупала пирожки и с широким замахом бросила за спину. Об успехе этого маневра свидетельствовало внезапное прекращение топота за их спинами. Беглый взгляд показал, что медведь затормозил и занялся изучением внезапно появившейся еды.

– Ага! – выдохнул Иван-царевич. – Молодец!

И он с новой силой помчался через лес, таща Марусю за собой. А она уже и ног под собой не чувала, и дыхание напроць сбила. Неожиданно Иван резко повернул направо, а разогнавшаяся девушка не успела сориентироваться и продолжила мчаться вперед, не разбирая дороги. Молодецкий свист заставил ее сменить направление. Тем более, что она увидела цель их бешеного бега: местная достопримечательность – огромной высоты валун, по легендам, свалившийся с неба в незапамятные времена. Не снижая темпа, юноша домчался до основания валуна и с ловкостью горного животного взлетел на вершину, цепляясь за неприметные уступы. От страха и всплеска адреналина Маруся сумела повторить этот маневр без особого труда. Беглецы замерли на вершине камня, прижавшись друг другу исключительно в целях сохранить равновесие. Тяжело дыша, беглецы смотрели вниз, слушая, как ругается у подножия их убежища лесной зверь, как он тяжело дышит, рычит и изредка пробует вскарабкаться за добычей по гладкой каменной стене. Потом путешественни-

ки перевели взгляд друг на друга.

– Иван, – сказал царевич, опуская титулы и фамилию.

– Марья, – ответила боярская дочь, подражая в краткости собеседнику.

Они снова посмотрели вниз. Медведь снизу смотрел на них.

– А ты молодец, отвлекла его едой, – похвалил юноша, не отводя взгляд от опасности. – Вон какой худой после спячки. Голодный.

Опасность уселась на землю. Маруся слабо улыбнулась:

– Да если бы не ты, я сама уже едой была бы.

– И что тебя на медведя понесло?

– Да забыла я, что сейчас по весне они просыпаются, – вздохнула девица. – По привычке решила через лес дорогу сократить. Задумалась, опять же.

Снизу донеслось недовольное ворчание, и оба вздрогнули.

– Он не уходит! – шепотом вскрикнула девушка.

– Не дурак, – согласился Иван-царевич.

– И что нам теперь делать?

– Ждать будем.

– Чего?

– Ну уйдет же он когда-нибудь. Не до зимы тут, чай, сидеть будет. Проголодается – и в лес.

Маруся огляделась. Перспектива стоять на вершине валуна не радовала. Присесть места не хватило бы, не говоря уж о том, чтобы размять затекшие ноги, прохаживаясь взад-впе-

ред.

– А откуда ты про этот камень знал? – спросила она для поддержания беседы.

– Бывал тут раньше, – не задумываясь ответил Иван. – Мальчишкой мы тут с друзьями развлекались, соревновались, кто на вершину заберется. Хорошо, припомнил сейчас про этот камень!.. – он вновь посмотрел на медведя, который отвлекся от осады и задумчиво ковырял корешки из едва оттаявшей земли. – Давай-ка и мы поедим, – предложил он, кивая на зверя. – Не знаю как ты, а я с самого утра ничего не ел.

Маруся в сомнении огляделась, оценивая возможности для обеда.

– Тесновато тут, – проговорила она.

– Ну, мы не будем танцы затевать, – отмахнулся Иван.

Он уже скинул свою котомку со спины и развязал узел. Маруся аккуратно сделала полшажочка назад и грациозно села рядышком, тщательно контролируя равновесие. Иван подстраховал ее и уселся сам, помог девушке вытащить ее крынку молока. Эмоции подпитали голод, поэтому девица с наслаждением отпила два больших глотка. Потом закрыла горлышко промасленной бумагой и завязала, чтобы снова убрать в свой походный узелок. Поймала удивленный взгляд Ивана и спохватилась:

– Ой, ты тоже хочешь?

Тот удержал ее руку, уже начавшую вытягивать крынку

обратно, и спросил:

– Я поесть предлагал. Ты что же, не будешь?

Маруся почесала кончик носа.

– Ну, я немного взяла с собой, – пробормотала она.

– И медведю скормила! – догадался юноша.

– Ага, – беззаботно согласилась девушка.

– Понятно.

Иван достал из своей котомки пирожок с луком и протянул Марусе.

– Да я не хочу! – попыталась отказаться она.

– Ешь давай, – отмахнулся царевич и отправил свой пирожок в собственный рот целиком.

Маруся перестала жеманничать и с наслаждением занялась обедом.

– Вкусно, – одобрила она выпечку.

– Нянюшка пекла, – гордо ответил добрый молодец.

– Нянюшка? У тебя есть нянюшка? – девица поперхнулась лучком.

– Конечно, – пожал плечами юноша. – А у тебя разве нет?

– Была. Когда я младенцем была, – с сомнением оглядела Ивана Маруся. – Но уж давно нет, – добавила она, умолчав о том, что мачеха боярыня использовала ее саму в качестве няньки для своих собственных дочек, когда те были помладше. – А тебе, что же, до сих пор нянюшка нужна?

– Почему мне? – удивился Иван. – Младшим нужна. А мне она так, по старой памяти пирожки печет.

– А, – ответила Маруся. – У тебя есть братья-сестры?

– И очень много, – хмыкнул юноша.

– А ты самый старший?

– Ага. И кстати, одна сестра у меня, мы с ней погодки, а с тобой она, поди, однолетка. И скажу тебе, никто бы ее в одиночестве в лес не пустил. Ты-то что тут делаешь?

– Пирожки твои ем, – честно ответила Маруся.

– А вообще куда шла?

– По делам иду.

– Секретным?

– Вовсе нет. Маменька отправила.

– Чтобы мать родная дочь в весенний лес отправила! – фыркнул с недоверием добрый молодец.

– Так не в лес, это же я сама хотела дорогу сократить, – ответила Маруся. – Я вообще в Дальние Дали иду.

– Еще лучше! – хохотнул Иван. – Чтобы мать дочь родную в Дальние Дали отправила! Мачеха, небось?

– Угадал! – хихикнула Маруся.

– Варенье бери! – велел царевич. – Баранку будешь? Ну как хочешь. А в Дали тебе зачем?

– Цветок велено принести.

– Аленький?

– Ой, я не знаю, – пожала плечами девушка.

– А зачем он твоей мачехе?

– Не имею ни малейшего представления.

– А почему именно тебя отправила?

– Захотела так.

– А ты-то зачем согласилась, дуреха? Вон, сразу на медведя наткнулась!

– А попробуй не согласиться! – фыркнула Маруся. – Ты маменьку мою не знаешь! С ней никто никогда не спорит. Себе дороже. Папенька пытался, но ненадолго его хватило.

– Умер? – посочувствовал Иван.

– Давно уж, – кивнула девушка.

– И что, цветок твой только в Дальних Далях растет? – продолжал светскую беседу юноша.

– Так говорит маменька, – Маруся слизнула с ладошки капнувшее варенье. – Тоже нянюшка варила?

– Нет, это мамулёк старалась, – ответил задумчиво добрый молодец. – Знаешь что?

– М?

– Провожу-ка я тебя в эти Дали.

– Зачем?

– Чтобы помочь от медведя убежать! Виданое ли дело – в одиночестве по Тридесатым Землям шляться! Тут дикие звери на каждом шагу. Не говоря уж о диких разбойниках всяких. Сестрице моей тут недавно пришлось тоже самостоятельно путешествовать – так ей телохранителя выдали.

– И ты хочешь стать моим телохранителем? – поинтересовалась Маруся.

– А когда вернемся, еще и в суд на твою мачеху подам. За жестокое обращение! Как ее фамилия?

– Не скажу! – рассердилась Маруся. – И идти со мной совершенно необязательно. У тебя, поди, своих дел по горло.

– Может, и по горло, но не могу я девицу в беде бросить, – пожал плечами Иван. – Не такое у меня воспитание.

– Ну, дело твое, – девушка пожалала плечами и начала аккуратно укладывать провизию обратно в походную котомку неожиданного попутчика. – Слушай, мне кажется, ушел медведь?

Они синхронно глянули вниз.

– Не видать, – отрапортовал Иван и прислушался. – Да и не слышать.

– И медвежьим духом не пахнет, – повела носом Маруся.

– Рискнем?

По возможности бесшумно путешественники начали спускаться с валуна, поминутно оглядываясь. Полянка была пуста. Медвежьим духом действительно не пахло, хоть и истоптана его лапами была вся земля. Иван-царевич бесшумным шагом обошел камень.

– Ну что? – нетерпеливо переминалась с ноги на ногу Маруся.

– Тихо! – Иван огляделся. – Вроде, ушел.

– Ушел, – согласилась она. – Не заметили мы за разговорами... И мы пойдем?

Девушка вопросительно глянула снизу вверх на молодца. Тот еще раз внимательно изучил местность, залитую ярким весенним солнцем. Прислушался к беззаботному чириканию

воробьев в ближайшем кусте. И решился:

– Пойдем.

– А ты знаешь, куда? – поинтересовалась Маруся.

Юноша изучил положение солнца на небосводе, огляделся и уверенно шагнул прочь от камня.

– Тебе же на юг? – поинтересовался он.

– Ага! Дальние Дали там. И озеро Синее там же.

– А озеро тебе зачем?

– Так на его берегу цветочек тот распустился, – пояснила девица, перешагивая через упавшее дерево. – Мне маменька инструкцию написала.

– Предусмотрительная какая! – хмыкнул Иван. – Вот и отправила бы дюжего молодца из челяди, чего девчонку погнала?

– Вроде как, только девица цветочек тот найти может, – припомнила Маруся.

Юноша придержал ветку, чтобы та не хлестнула по лицу шагающую за ним спутницу.

– А вообще, зачем ей цветочек тот нужен? – пожелал развить тему Иван.

– Не знаю, – не особенно развила ее Маруся. – Ну а ты куда направлялся, пока на нас с медведем не наткнулся?

– Куда глаза глядят, – честно ответил добрый молодец.

– Ух ты! – восхитилась Маруся. – Из дома сбежал?

– Что я, маленький? – фыркнул Иван. – Родители в курсе.

– А, значит, пошел на мир поглядеть?

– Можно и так сказать...

Из леса путешественники вышли, когда день уже стал клониться к вечеру. Из-за приключения с медведем Маруся выбилась из графика: добраться на ночлег до Ближних Далей уже не успевали. Но ведь шли они по найденным дорогам, и постоянные дворы на них не такая уж редкость. Одна Маруся не решилась бы в таких останавливаться, но спутник ее небрежно отмахнулся от тревожного лепета девушки и храбро потребовал комнаты для ночлега для себя и сестрицы. Поужинали нянюшкиными запасами: пару ломтей еще не зачерствевшего хлеба намазали сливочным маслом и уложили сверху кусочек ветчины, запив это блюдо вкуснейшим квасом.

– Баранки на завтрак оставим, – решила Маруся. – И молоко мое допьем. А завтра в Ближних Далях еды купим.

– Как скажешь!

Маруся еще попыталась отдать Ивану монеты за снятую для нее комнату, но юноша гневно отмахнулся и, пожелав неожиданной спутнице добрых снов, отправился в свою маленькую опочивальню.

Ночь прошла спокойно. А утро застало путешественников уже в пути. Задерживаться на постоялом дворе Маруся с Иваном не стали, разве что чаю выпили, обогатив хозяина на пару монет из кошелька Ивана. Попытка Маруси внести свою лепту в расходы была снова категорически отвергнута.

И вот они вновь шагали по дороге, следуя указательным столбам на перекрестках. Погода была похуже, чем накануне: то и дело на теплое солнце набегали облака, дул холодный ветер, наполненный еще недавним зимним дыханием, заставляя путешественников плотнее кутаться в свои кафтаны и прятать уши в поднятый ворот.

В Ближних Далях задерживаться не стали. Здесь Маруся уже настояла на покупке большого каравая на свои деньги.

– Это нам на сегодня хватит, – сказала она. – К завтрашнему дню дойдем до Ложкино, у меня там тетушка живет.

Иван согласился с планом. Еще утром, у кипящего самовара, он изучил инструкцию, выданную Марусе в дорогу, и в целом одобрил план, внося незначительные замечания, касавшиеся в основном разума составившей его. Девушка лишь плечами пожала.

– Ну как ты не понимаешь? – недоумевала она. – Это же жена папеньки, мне почти мать. Она лучше знает, что и как. И мне положено почитать и повиноваться. Разве ты не почитаешь родителей своих?

– Почитаю, конечно, – согласился Иван.

– И разве не повинешься им? – продолжила Маруся.

– Попробуй не повинуйся, – пробурчал юноша, как раз в этот момент посмотревший на указательный столб на очередной развилке, верхушку которого украшал вырезанный из дерева портрет царя Кашея Первого и Единственного.

– Вот, – сказала Маруся. – Не могла я послушаться, вот и

пошла. Разве ты не так поступаешь?

Добрый молодец в задумчивости не ответил. Можно ли считать его поход за неведомой невестой послушанием родителей, если они сами разрешили ему это сделать? Но обсуждать это с девицей у него не было желания.

– Смотри, – сказала Маруся, – коршун парит.

Она запрокинула голову, и Иван последовал ее примеру. Над ними действительно раскинула крылья хищная птица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.